

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-182-186
УДК 821.161.1

ОБРАЗ ХАДЖИ-МУРАТА В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО: ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

© Альбина Саяпова

THE IMAGE OF KHADGY-MURAT IN LEO TOLSTOY'S STORY: A PERSONALITY PROBLEM

Albina Sayapova

The article considers the character of Khadgy-Murat from of the same name story of Leo Tolstoy in the light of the writer's views concerning the essence and purpose of man. Tolstoy reveals the ontological core of man at the crucial time in Russian History, the time of the Russian conquest of the Caucasus. Khadgy-Murat is a historical person of that time, but Leo Tolstoy is interested in him as a personality. Long before the twentieth century philosophical works, centered around the concept of "personality", Leo Tolstoy described his legendary character as an ontological element of history. The human fate, as a prevalent factor in Khadgy-Murat's decisions, becomes a cross-cutting motif of the story. In the author's conception, Khadgy-Murat is capable of satisfying his imperious ambitions (to conquer Avary and Chechnya) only in case his own private problems, the problems in the life of his inner self, are resolved. His human qualities make him a legendary hero of the Caucasus. Leo Tolstoy's Khadgy-Murat is a person of huge vital force, broken up by the will of fate, determined by history itself.

Our interpretation of Khadgy-Murat's character emphasizes the idea that socio-historical circumstances become an emotional and psychological impetus for Khadgy-Murat to manifest his free will that determines him as a personality. It is important that Leo Tolstoy makes his own contribution to objectifying the images "foe-other" in literary texts. He destroys historically complicated image-cliché of a Caucasian that took shape due to the colonial ideology of Russia's social consciousness.

Keywords: Leo Tolstoy, "Khadgy-Murat", personality problem, human fate, Caucasian legend.

В статье рассматривается образ Хаджи-Мурата из одноименной повести Л. Н. Толстого в контексте представлений писателя о сущности и назначении человека. Л. Н. Толстой раскрывает онтологическую суть человека в переломный момент «большой» истории России, которая сводится к частной человеческой судьбе, погруженной в нее. Хаджи-Мурат Л. Н. Толстого – историческая личность времени завоевания Россией Кавказа. Вместе с тем он интересен Л. Н. Толстому как личность. Задолго до философских трудов XX века с центральным понятием «личность» Л. Н. Толстой выписывает своего героя как онтологический элемент истории. Человеческая судьба как преобладающий фактор в решениях героя Л. Н. Толстого становится сквозным мотивом произведения. Хаджи-Мурат в авторской концепции образа способен пойти на удовлетворение своих властных амбиций (покорить своей воле не только Аварию, но и Чечню) только при решении проблем частной жизни, жизни внутреннего «я». Человеческие достоинства делают его героем-легендой Кавказа. Хаджи-Мурат Л. Н. Толстого – личность огромной жизненной силы, сломленной по воле рока, определяемого самой историей.

Главной мыслью в нашем истолковании образа Хаджи-Мурата является то, что социально-исторические обстоятельства становятся лишь эмоционально-психологическим толчком в проявлении свободной воли Хаджи-Мурата, определившей его как личность. Важно и то, что образом Хаджи-Мурата Л. Н. Толстой вносит свою лепту в объективацию образов чужого / другого в литературных текстах. Он разрушает исторически сложившийся образ-клише кавказца, сформированный под влиянием колонизаторской идеологии общественного сознания России.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Хаджи-Мурат», проблема личности, человеческая судьба, легенда Кавказа.

О повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» написано много. Нет смысла повторять высказанные мысли из багажа отечественного и зару-

бежного толстоведения. Вместе с тем следует признать, что для любого исследователя какие-то работы так или иначе становятся базовыми в

подходах к интересующей его теме-проблеме. Такой работой стала для нас «Эстетика Л. Н. Толстого» Е. Н. Куприяновой, в которой автор в контексте изучения отдельных аспектов эстетики Толстого уделяет также внимание проблеме формирования и эволюции представлений писателя о сущности и назначении человека [Куприянова]. Проблема сущностного «я» Хаджи-Мурата – героя Толстого, осмысление его человеческого назначения стало главной темой нашего исследования в рамках данной статьи.

Толстой начинает свою повесть о Хаджи-Мурате с указания конкретного исторического времени: «Это было в конце 1851 года» [Толстой, с. 282]. Указание на историческое время расширяет контекст художественного изложения: повесть Толстого не только о судьбе Хаджи-Мурата, героя Кавказа времени так называемого «присоединения» Кавказа к России, но и о судьбе всего Кавказа. Образ репья, называющегося «татаринном», введенный в произведение уже в предваряющей части повествования, в художественно-философской концепции автора становится символическим ключом осмысления судьбы не только Хаджи-Мурата, но и всего Кавказа, завоеванного Россией.

Повествование о Хаджи-Мурате начинается со слов о его удачливости в предыдущей «бурной военной жизни»:

«Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье. Затеявая что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему. Так это было, за редкими исключениями, во все продолжение его бурной военной жизни. Так, он надеялся, что будет и теперь» [Там же, с. 300].

Далее, на протяжении всего рассказа о Хаджи-Мурате, автора интересует то, что было «теперь», а не в прошлом, оправдалось ли то, на что он, Хаджи-Мурат, «надеялся». «Теперь» затеянное им дело становится главным событием его жизни, роковым и трагическим. Толстой как великий знаток человеческой души описывает не только причины «затейного дела» как роковое событие жизни Хаджи-Мурата, но и то, что послужило для него поводом, по которому он не как историческое лицо, а как личность проявит себя в своих решениях-желаниях, коренным образом изменивших его жизнь и судьбу. Гений Толстого показал, что даже в самых волевых решениях (в случае с Хаджи-Муратом имеющих отношение к исторически значимым событиям) в человеческом «я» доминирует голос природного «я», генетически связанный с близкими для него людьми, с родным домом, в конечном итоге со всем тем, что называется частной жизнью. О том,

что история проходит через частную жизнь человека, на примере повседневной жизни русского дворянства XVIII – начала XIX века просто и убедительно говорит Ю. М. Лотман в своей монографии «Беседы о русской культуре» [Лотман, 2001].

Положение семьи, частная жизнь Хаджи-Мурата, становится главным фактором в проявлении волевого решения перейти к русским, дающим, как ему представляется, возможность «управлять не только Аварией, но и всей Чечней» [Толстой, с. 300]. Переход к русским как волевой акт мотивирован чувством мщенья Шамилю за свою семью. Вместе с тем присутствует и другая мотивация: Хаджи-Мурат – главный его соперник в борьбе за власть на Кавказе. Сказанное говорит о том, что одним из главных приемов в психологической характеристике героев в их поступках у Толстого является прием контраста. Так, судьба Хаджи-Мурата описывается счастливой и удачной в начале жизненного пути, трагической – в финале. Контраст этот очевиден как в оценке его боевых действий («<...> был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему» [Там же]), так и в характеристике частной человеческой судьбы («Я был как брат ханам» [Там же, с. 327]). В контрастном сплетении находятся и два его желания: отомстить Шамилю за свою семью и желание «управлять не только Аварией, но и всей Чечней». Однако поводом его решения перейти на сторону русских становится именно личное, субъективное «я» героя, определяемое частной жизнью. И это в схеме нашей интерпретации – главная мысль в истолковании образа Хаджи-Мурата.

Весьма важной чертой в психологической характеристике Толстым своих персонажей является двойственность отношений как Хаджи-Мурата с русскими, так и представителей российской власти с Хаджи-Муратом. Двойственность эта тоже состоит из контрастных друг другу мнений-убеждений. Так, Хаджи-Мурат обещает Воронцову верно служить «белому царю», тем более что у него уже имеется такой опыт из прежней жизни. Вместе с тем в сцене диалога Хаджи-Мурата с Воронцовым, в которой важнейшую роль играют глаза (типично психологический прием Толстого), раскрываются истинные желания и намерения каждого из них:

«Глаза этих двух людей, встретившись, говорили друг другу многое, невыразимое словами, и уж совсем не то, что говорил переводчик. Они прямо, без слов, высказывали друг о друге всю истину» [Там же, с. 324].

Хаджи-Мурат, как опытный и удачливый воин, знает о своих возможностях. Так, он говорит Воронцову, что если его пошлют на лезгинскую линию и дадут ему войско, *«то он ручается, что поднимет весь Дагестан, и Шамилю нельзя будет держаться»* [Там же, с. 325]. Но все это, неоднократно повторяет он, произойдет при условии, если освободят его семью из шамилевского плена. Становится очевидным, что решения, а затем и поступки Хаджи-Мурата определяются своеобразным диалогом между «голосом» частной жизни и «голосом» воли к власти, находящейся в сослагательном наклонении по отношению к голосу души, поскольку в диалоге взглядов на проблему перехода к русским доминирует сущностное, природно-национальное в «я» героя Толстого.

Получается, что частное, личное (*«отплатить Шамилю»*) [Там же, с. 324], являясь преобладающим фактором в решениях Хаджи-Мурата, становится сквозным мотивом произведения. Только при решении проблем частной жизни, жизни внутреннего «я», Хаджи-Мурат способен пойти на удовлетворение своих властных амбиций – покорить своей воле не только Аварию, но и Чечню. Таким образом, не «милость» русского царя, не возможность получения каких-то наград, титулов за службу русскому царю превращают его в историческую личность. Хаджи-Мурат как историческая личность интересен внутренним содержанием своего «я». Человеческое «самостоянье» (Ю. М. Лотман) превратило его в историческую личность. Именно этой чертой своей натуры он привлекает внимание Толстого, который нашел гениальное образно-художественное выражение этой натуры: Хаджи-Мурат – прекрасный цветок Кавказа, сильный и дикий, как разновидность репья, который называется «татаринном». Этот цветок у Толстого воспринимается не только как олицетворение силы и красоты Хаджи-Мурата, но и всего Кавказа, не вписывающегося в «букет других полевых цветов» (в «букет» других народов России). Символически емкий образ репья-«татарина», изуродованного колесом телеги («колесом истории») и руками («руками» российской власти), которые хотели его сорвать, говорит не только о судьбе Хаджи-Мурата, боровшегося с внешним насилием до последней капли крови, но и всего Кавказа времени завоевания его Россией.

Итак, как об основной мысли повести можно сказать, что Хаджи-Мурат Толстого прекрасен своим человеческим достоинством. Именно это делает его героем-легендой Кавказа. Присутствие этой силы в герое Толстого дает возможность говорить о Хаджи-Мурате как о личности с

огромной жизненной энергией, сломленной по воле рока самой истории. Но что важнее всего – он не «сверхчеловек», для которого не существует понятия личности, поскольку личность – явление индивидуальное, частное, единичное. «Сверхчеловек» осознанно игнорирует природное, сущностное в человеческом «я». В контексте сказанного любопытно озадачиться вопросом: можно ли назвать Хаджи-Мурата «сверхчеловеком»? Интересно, что в тексте есть фрагмент, в котором упоминается имя Наполеона в светской беседе в салоне князя Воронцова, наместника края. Князь Воронцов, к сыну которого «вышел» Хаджи-Мурат, старательно играет роль добрейшего человека, гостеприимного хозяина, во всем угождающего Хаджи-Мурату, добровольно «вышедшему» к русским. Его цель – если «вышел» Хаджи-Мурат, то *«конец и Шамилю»* [Там же, с. 321]. Гости салона князя Воронцова подхватили желанный для Воронцова игривый тон рассуждений о Хаджи-Мурате. Один из гостей салона, *«глупый грузинский князь, имеющий дар лести»* и знавший, что *«всякое упоминание о Наполеоне <...> было приятно князю»*, произнес:

«„Если бы он родился в Европе, это, может быть, был бы новый Наполеон“. Воронцов подхватывает тему диалога: „Ну, хоть не Наполеон, но лихой кавалерийский генерал – да“» [Там же].

И далее: *«Если не Наполеон, то Мюрат. И имя его – Хаджи-Мурат»* [Там же]. Понятно, что лестное для Воронцова сравнение Хаджи-Мурата с Наполеоном или Мюратом объясняется взятой Воронцовым ролью в создавшейся салонной ситуации.

Основной пафос произведения Толстого сводится к тому, что его Хаджи-Мурат – это личность со всеми лучшими человеческими качествами: он любит свою семью, мать, которую он помнит молодой и сильной, детей своих, особенно прекрасного Юсуфа, подававшего большие надежды в глазах отца. О нем как о прекрасном человеке говорят русская женщина Мария Дмитриевна, офицер Бутлер.

Комментируя образ Хаджи-Мурата как личность, необходимо подчеркнуть, что Толстой продолжает традицию русского романтизма, одним из ключевых представлений которого был совершенно новый взгляд на другие народы России. Толстой образом Хаджи-Мурата вносит свою лепту в объективацию образов чужого / другого в литературных текстах. Он разрушает исторически сложившийся образ-клише кавказца, сформированный под влиянием колониаторской идеологии общественного сознания России.

Концептуально значимым в объективации образа чужого / другого являются встроенные в текст диалоги Хаджи-Мурата с Бутлером и Марьей Дмитриевной. В основе этих реальных и возможных диалогов между этими людьми не политические или социальные проблемы, а частная человеческая судьба Хаджи-Мурата, который по воле рока оказывается в конкретном моменте «большой» истории России, погруженным в нее. Погружены в этот «момент» истории и те, кому небезразлична судьба Хаджи-Мурата. Небезразлична потому, что в Хаджи-Мурате увидели не чужого, непонятного, а просто человека со всеми его человеческими проблемами. Сочувствующим ему интересны не властные амбиции Хаджи-Мурата (на них нет и намек в диалогах), а его частная человеческая жизнь, определившая его судьбу, судьбу его семьи. Он им интересен как личность.

Характер диалогов оценивается отношениями между Хаджи-Муратом, Бутлером и Марьей Дмитриевной, которые начинаются с того времени, когда Хаджи-Мурата привели в крепость к русским для проживания в доме Ивана Матвеевича Петрова, старшего товарища Бутлера по службе, *«доброе, простодушное» пьяницы»* [Там же, с. 360]. Отправным толчком отношений, реализованных как диалоги в режиме «я – ты» и выражающих сакральное, сущностное содержание друг друга, становится «дружелюбный», открытый взгляд Хаджи-Мурата [Там же, с. 361].

Вместе с тем Толстой подчеркивает избирательный характер диалогических связей Хаджи-Мурата. Так, к Ивану Матвеевичу Хаджи-Мурат *«с первого знакомства с ним почувствовал отвращение и презрение <...> Марья Дмитриевна, которая готовила и приносила ему пищу, особенно нравилась ему»* [Там же, с. 365]. С Бутлером же Хаджи-Мурат, как пишет Толстой, тотчас же *«с первого знакомства, дружески сошелся и много и охотно говорил с ним»* [Там же, с. 363]. Он расспрашивал его про его жизнь, рассказывал про свою, сообщал о тех известиях, которые приносили ему лазутчики о положении его семьи, даже советовался с ним, как ему поступать в той или иной ситуации. Любопытно, что не только Хаджи-Мурат полюбил Бутлера, но и все сопровождающие его горцы:

«Элдар встречал Бутлера, радостно оскаливая свои блестящие зубы»; Бутлер сошелся и с «мохнатым Ханефи, названным братом Хаджи-Мурата» [Там же, с. 370].

Таким образом, отношения Хаджи-Мурата с Бутлером, Марьей Дмитриевной сложились как искренний диалог «я – ты», раскрывающий це-

лый мир в душе каждого. В диалоге этом проявилась внутренняя свобода сочувствующих Хаджи-Мурату как та индивидуальная свобода, благодаря которой и происходит реакция на создавшуюся ситуацию. Раскрывается экзистенциальная суть каждого из участников диалога, суть личности, способной на «мужество быть собой» (П. Тиллих). Доказательством этого служат слова Марьи Дмитриевны, произнесенные в ярости в адрес убийц Хаджи-Мурата: *«Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право <...>»* [Там же, с. 389].

Представляя отношения Хаджи-Мурата с русскими, обратим внимание еще на один факт в тексте Толстого, который тоже выписан в ключе русского романтизма. Мы имеем в виду тягу Бутлера к Хаджи-Мурату как о романтической заинтересованности личностью необычной жизни и судьбы. Вхождение в мир Хаджи-Мурата расширяет пространство внутреннего «я» самого Бутлера, благодаря чему становится возможным взаимная открытость, что тоже воспринимается как «смысловая цитация» из области русского романтизма. Хаджи-Мурат становится интересным Бутлеру не только как человек, попавший в сложную жизненную ситуацию, он привлекает его, молодого офицера с романтическими взглядами на военные действия на Кавказе, как героическая личность, достойная подражаний.

Заключая все сказанное, еще раз подчеркнем, что образ Хаджи-Мурата Толстого в полной мере может быть осмыслен не только при понимании этого образа как личности, наделенной жизненной силой и творческой потенцией настоящего воина. Хаджи-Мурат Толстого – личность, свободная воля которой, независимо от того, что происходит вне жизни этой личности, определяется сущностным «я» его натуры. Образом этим Толстой сказал об онтологической сути человека в рамках исторического бытия. Да, Хаджи-Мурат Толстого – историческая личность времени завоевания Россией Кавказа. Вместе с тем Толстой своим произведением, дописанным уже в начале XX века, созвучен основной философской мысли XX века – мысли о личности. Достаточно вспомнить одного из ведущих философов этого времени Н. О. Лосского, давшего определение личности как «центрального онтологического элемента мира» [Гайденко, с. 369]. Характеризуя отношения Хаджи-Мурата с внешним миром (в случае героя – с теми, в чьи «руки» он попадает), оценивая его решения, воспользуемся высказыванием Н. О. Лосского о личности, которое как нельзя лучше подходит к истолкованию образа Хаджи-Мурата, его человеческой судьбы: «Никакой предмет, находящийся вне субстанциального

деятеля, не может вторгнуться в сферу его индивидуальности и породить перемену в нем: всякая перемена в субстанциальном деятеле, например в человеческом я, есть его собственное действие, собственное проявление <...>» (цит. по: [Там же, с. 358]). П. П. Гайденоко, комментируя высказывание философа, дает следующее пояснение: «<...> хотя многие из этих проявлений возникают на основе общения с внешним миром, однако события внешнего мира служат только поводом для действий субстанции, а не причиной этих действий» [Там же, с. 358].

Таким образом, Толстой, как чуть позже Н. О. Лосский, сказал, что только сам человек как деятель с его творческой силой является подлинной причиной, порождающей события его собственной жизни, которые, конечно, не могут не входить в состав реального бытия. В случае с Хаджи-Муратом – в конкретную ситуацию времени завоевания Кавказа.

В контексте сказанного весьма ценным воспринимается высказывание Ю. М. Лотмана о Толстом как писателе, «настойчиво повторявшем, что подлинная история совершается в частной жизни и в массовых бессознательных движениях, и не устававшем высмеивать апологии „великих людей“» [Лотман, 1996, с. 310–311].

Гений Толстого показал, что внешний мир не может быть властным в сфере человеческой индивидуальности, внутреннего, душевного «я». Хаджи-Мурат Толстого находится в условиях войны. Однако даже война не изменяет отношение человека к дорогим для него людям. Переход Хаджи-Мурата к русским – это «собственное действие, собственное проявление» его воли (Н. О. Лосский). Следовательно, создавшееся положение дел становится только поводом для перехода к русским, чтобы бороться со своим врагом Шамилем, а не причиной его действий. Социально-исторические обстоятельства становятся лишь эмоционально-психологическим импульсом в проявлении свободной воли Хаджи-

Мурата, определившей его как личность. Это положение является главной мыслью в нашем истолковании образа Хаджи-Мурата в одноименной повести Толстого.

Список литературы

Гайденоко П. П. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // Н. О. Лосский Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С. 349–370.

Куприянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М., Л.: Наука, 1966. 324 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Искусство, 2001. 416 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 томах. Т. XII. М.: Правда, 1987. С. 281–397.

References

Gaydenko, P. P. (1995). *Ierarhicheskii personalism N. O. Losskogo* [N. O. Lossky's Hierarchical Personalization]. Losskii N. O. Chuvstvennaia, intelektualnaia i misticheskaia intuitsiia. Pp. 349–370. Moscow, Respublika. (In Russian)

Kupreianova, E. N. (1966). *Estetika L. N. Tolstogo* [L. N. Tolstoy's Aesthetics]. 324 p. Moscow, Leningrad, Nauka. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri mysliahih mirov. Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriia* [Within Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. 448 p. Moscow, Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (2001). *Besedy o russkoi culture: byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII–XIX veka)* [Conversations on Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility (the 18th -19th Centuries)]. 416 p. St. Petersburg, Iskustvo. (In Russian)

Tolstoy, L. N. (1987). *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collection of Works in 12 Volumes]. T. XII, pp. 281–397. Moscow, Pravda. (In Russian)

The article was submitted on 11.04.2021
Поступила в редакцию 11.04.2021

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru